

Крупинки

ДЕЖУРНАЯ

Признаки сегодняшней демократии примитивны, как хрюканье: воровство, вранье, развитие жадности, злобы и... и непрерывный страх быть обворованным и убитым. Мы же, прежние русские, как были, так и остались добрыми и доверчивыми. В подтверждение я расскажу случай, бывший со мною в Великом Устюге.

Великий Устюг — город, увидев который понимаешь, что всю жизнь он будет для тебя мерилком красоты. Стоящий у слияния рек Сухоны и Юга, образующий из этого слияния могучую Северную Двину, Устюг незабываем. В городе много церквей. В одной из них потрясающий воображение своими экспонатами краеведческий музей. В Устюге, как известно, промысел северной серебряной черни, Устюг — родина беспокойных первопроходцев, в городе дары со всех стран света. Нынче вспомнили все-таки, что Дед Мороз ни из какой не из Лапландии, а из Великого Устюга. Так вот, я пришел в музей и понял, что в него надо не прийти, а приходиться. Выбрал время с утра назавтра, вооружился блокнотом и старался побольше запомнить. Иконы, золотые, серебряные оклады, утварь, богатство купеческого и крестьянского быта, расшитые бисером и жемчугами наряды девушек, а уж драгоценностей было любых мастей.

В тишине я услышал, как зазвонил телефон дежурной. О чем ей говорили, я не понял, но то, что она встревожилась, было ясно.

— Ой, — говорила она, — ой, не успею, обед только через час. Ох ведь, ох ведь! — Она положила трубку.

Я стоял у камня, на котором подвизался устюжский юродивый блаженный Прокопий (в Москве придел, освященный во его имя, находится в церкви Малого Вознесения на Никитской, наискосок от консерватории), и увидел, как ко мне подошла дежурная.

— Ой, молодой человек, — сказала она, резко занижая возрастные оценки, — ой, ты долго ли еще будешь смотреть?

— А вы уже закрываете?

— Нет, мы по расписанию, нельзя закрывать. Я знаю, чего тебе скажу? В кооперации дают гречку. Подружка звонила. Но ей не дадут четыре, сама берет, надо со своими заборными книжками. Ой! Знаешь чё, — решила она. — Ты побудешь еще минут двадцать? Побудь. Я же вижу — интересуешься. Я быстро сбегая. Мне уж очень надо гречки: от диабета, и хозяин любит, в армии, говорит, привык. Побудь, а? Если кто придет, пусть билеты оторвут, а школьники так пускай, сэкономят пусть. — И дежурная поспешила к выходу, напоследок крикнув: — Без меня не уходи!

И вот я остался один вместе с этим несметным богатством серебра, золота, жемчугов, бриллиантов, золотого шитья, икон, фарфора, хрусталя...

Конечно, я не был похож на грабителя, но кто на них похож, сейчас как раз грабители и убийцы выглядят очень интеллигентно. Дело в другом. Дело в русском доверии человека к человеку. Скажут: вот сейчас гречка доступна, на всех прилавках. Нет, скажу, как раз она стала недоступна. Эта же дежурная сейчас на нее только смотрит сквозь стекло витрины. Многое еще можно сказать, но не буду. Только помню тишину церкви, мерцание золота в лучах солнца и камень. Камень блаженного Прокопия.

АВТОРУЧКА

Мне подарили красивую авторучку. Очень. Такую красивую, что ею я писать не осмеливался, но с собою возил. Приехав в Троице-Сергиеву Лавру, вначале, как всегда, пошел к преподобному Сергию в Троицкий собор. Взял у монаха листочки чистой бумаги, достал красивую авторучку и ею написал имена родных и близких для поминовения о здравии у раки преподобного. На столе были и другие ручки, и карандаши, но ручки уже были исписанными, а карандаши притупившимися. Это я к тому, что люди подходили и тоже писали свои памятки. У меня попросили ручку, я отдал, а сам пошел в храм, к гробнице.

Там почти всегда очередь, но такая благодатная, такая молитвенная, что очень хорошо, что очередь. Читается акафист преподобному, поется ему величание, а между ними всегда-всегда звучит молитвенный распев: «Господи, помилуй». Поют все. Особенно молитвенно поет монах, которого привозят сюда на коляске.

Приложившись к мощам преподобного, отдав дежурному монаху памятки, я вышел и хотел взять свою авто-ручку. Но к ней уже была очередь. А я торопился и подумал, что зайду за ручкой потом. Но и потом ручка не простаивала, и мне было как-то неловко заявлять, что это моя ручка. Она уже стала не моей, а общей. Я подумал: сколько же ею уже написали имен, сколько же с ее помощью вознесется горячих молитв о здравии болящих, о прозрении заблудших, об утешении страждущих! И разве я что-то могу равное написать этим памяткам? Нет, конечно.

Решив так, я порадовался за ручку: каким же счастливым делом она занята — и пожелал ей долгой жизни.

ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в еще более торжественную ночь. Здравниц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего: в Болгарии все, по крайней мере тогда (это было лет десять назад), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну, узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своем номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я же еще не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Все в ней незабываемо, все такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Серебряны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Купрившиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная еще надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, все-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал. Я немножко заправился из посуды под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более, до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя это не мужчины Иван и Петр, а женщины, это имена такие женские в Болгарии — Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними — курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, кури, Петя». «На воздухе неинтересно, — отвечают Ваня и Петя, — надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да еще обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу прекрасные сухие болгарские вина.

Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером все равно пить. Все равно говорить здравницы о дружбе. Не тосты, именно здравницы. «Тосты» — слово нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «На-здрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, все более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

— Доброе утро, брат! — крикнул я.

— Доброе утро! — откликнулся он.

Вот с кем я выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек — и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течет.

— Эй, эй! — услышал я крик. — Не можно, не можно! Химия, химия!

— Что делать, везде экология, — сказал я, подходя к рыбаку. Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул:

— Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал. У него был и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не граненые, пластмасса. Звук от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

— Слушай, — сказал я, — у меня еще одна есть. Но знаешь чего, давай ее выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелят? А?

— То можно, — сказал рыбак.

Мы столкнули лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

— Вот тут, — кричал я, — наш Святослав, киевский князь — слышал? — сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут!

— То так! — кричал и кивал головой рыбак. Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

— Отсюда, именно отсюда — понял? — от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, — слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Тутрукан взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгнал. Его предали, Святослава.

— Предал кто?

— Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это не серьезно.

— Гагарин! — кричали румыны. — Спутник! Дружба! — И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская дружба, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского Договора.

Дружба дружбой, а одними словами ее не укрепишь. Мужики смотрели на меня как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападков империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

— Выдержит твоя лодка пятерых? — спросил я рыбака. — У меня только болгарские левы.

— Хо! — отвечал рыбак. — Левы они любят. Лишнего не давай. Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принес какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И еще этот румын сбежал. И еще.

— Парни, — сказал я, — меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споем, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венки. Утренней Венгрии дар принимая, дальше поплыл поток. Этот цветок увидели словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венки, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

— Мадьяры тьфу! — сказал один румын.

— Тьфу мадьяры, тьфу, — поддержали его два других.

— И словаки тьфу! — сказал румын.

— Хватит «тьфу», — сказал я как старший брат. — Давай еще беги. Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежневца. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и общал, что и поляки — тьфу, и чехи тем более тьфу, а уж немцы — это очень большое тьфу, такая мать... Румын ругался по-русски.

— И сербы, и албанцы...

— Сербы не, — возразил мой рыбак. — Албанцы-то да, сербы не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами. В знак признательности румыны забежали в воду, провожая нашу лодку. С меня содрали оброк — за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить: русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

— На дружбата на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно! Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашел по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю — и в Румынию.

— Румыны — тьфу, — сказали Ваня и Петя.

— Тьфу румыны, — подтвердил мой рыбак.

— Да что вы, японский бог, — сказал я. — Варшавский же Договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не смей. СССР — одно, Россия, Россия... тоже

одно. Вот! — воздел я руки к небу в подтверждение своих слов: по небу пронесся сверхзвуковой самолет-перехватчик «МиГ».

— О, только без самолетов, — сказала Ваня или Петя — я их путал.

— Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истребляющих? А пляски печенегов и питье из черепа славян? А? Было же. Так само и буде, так?

— Вы, русские, сильно всех учите, вот в чем наша претензия, — сказали переводчицы.

— То так, — поддакнул им мой рыбак.

— Теленка, — отвечал я, — тоже ташат насильно к вымени, а не подтащишь, умрет. Да, диктуем, тащим — значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

— Вопрос из области диктата.

— Какой диктат — пожелание воскрешения церковной жизни? У меня диктат один: чтоб вы не курили, вы же черные уже внутри. Петя и Ваня молча и оскорбленно пили кофе и курили.

— Хорошо, — нарушил я молчание, — все плохи, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что и доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

— Ой, не повторяй, — сказала Ваня или Петя, — ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк. — Она дернула плечом в сторону Т-34.

— И мне произносил, — настучал на меня пьяный рыбак.

— Тогда немного филологии, — повернул я тему. — Вы — русистики, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно. Особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии — и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба — это, по этимологии, без науки ни шагу, по этимологии — суд Божий. Потом — может быть, со времени Святослава, может, позже или раньше — мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение, то есть смешение языков. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

— То так, — подтвердил пьяный рыбак и стрельнул у Вани сигарету.

— И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сближаться? Что? — спросил я. — Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдет до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя докурили, утопили окурки в чашках изпод кофе и объявили, что мне пора на званный обед.

Так что пора было идти пить за дружбу. Между славянами.